

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

12—15 августа 2008 года в музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» состоялась VI Международная научная конференция: «Лев Толстой и мировая литература» — крупнейший форум исследователей Л. Н. Толстого, имеющий высокую научную репутацию в мире. Последняя конференция собрала ученых тринадцати стран и совместила два юбилея — 10 лет с начала проведения яснополянских конференций в 1998 году и празднование 180-летия со дня рождения Л. Н. Толстого.

Научное сообщество представляли исследователи из России, Украины, Литвы, Польши, Великобритании, США, Японии, Израиля, Италии, Франции, Австрии, Швейцарии, Дании, объединенные гуманистической мощью жизнелюбия великого человека и геофилософией Ясной Поляны. Имя этого *genius loci* озарено ответом «всемирной отзывчивости», соединяющим *мир, Россию, Толстого, Ясную Поляну* с живыми проблемами современной культурной жизни и порождающим ответственность ученого-гуманитария перед жизнью культуры в целом. Участники культурного диалога построили различные образы прошлой и современной эпох, показали преемственность отдельных стадий развития литературы и культуры в целом. Конференция попыталась осознать толстовское наследие в мировой и отечественной философии, культуре и литературе как единый духовно-мыслительный процесс, разворачивающийся в соответствии с определенными принципами и закономерностями развития современного гуманитарного знания.

Организаторы, научные работники Ясной Поляны: Галина Алексеева — автор идеи конференций, Алла Полосина, Нина Никитина и другие, во главе с директором дома-музея Владимиром Ильичем Толстым, сумели так удачно составить программу конференции, что отдельные доклады и целое всего форума сопрягались как «пузырьки и поток» целостного восприятия толстовского наследия. Отличительной чертой конференции стали активные научные дискуссии после каждого заседания: без внимания не остался ни один доклад и ни одно выступление. В конференции принимали участие не только признанные специалисты по творчеству Толстого, известные русисты, но и те, кто делает первые шаги в академическом мире, молодые ученые и аспиранты и, конечно, научные

сотрудники московского и яснополянского толстовских музеев.

Заседание открыл директор дома-музея «Ясная Поляна», праправнук Льва Николаевича, Владимир Ильич Толстой словами-напоминанием о гуманизме Толстого, о его неприятии любого рода агрессии, прозвучавшими с особым трагизмом в первые дни грузино-осетинского конфликта. «Ощущение мира и покоя, — сказал он, — природной и человеческой гармонии так драгоценны сейчас и здесь, когда все мы думаем о том, что происходит на Кавказе. На Кавказе началась литературная биография Толстого, там, и именно в Тифлисе, он работал над „Детством“. Но сегодня голос Толстого никто не слышит». Так часто произносимые в те тревожные дни августа слова о гуманитарной катастрофе вновь напомнили о невозможности жить вне культуры и гуманистического мировоззрения. Никакие «нанотехнологии» не спасут мир от разрушения без принятия в качестве «нравственного императива» закона совести, любви к природе и конкретному человеку, к своему дому и к своему делу.

В течение трех дней прошло шесть научных сессий, охвативших широкий контекст изучения толстовского наследия. Первое, философско-религиоведческое заседание открыл доклад петербургского социолога и философа В. А. Бачинина «Богословский курс Л. Н. Толстого и его рационалистические основания», прочитанный в отсутствие докладчика и посвященный специфике религиозных исканий Толстого. Он вызвал, пожалуй, самые бурные эмоции у слушателей, так как «разоблачение» Толстого было осуществлено с позиций православного дискурса, в рамки которого мышление великого «ересарха» с очевидностью не вписывалось и быть вписанным не может. Главный акцент был сделан на тезисе о рассудочном характере толстовской веры, лишенной мистических оснований. В. А. Бачинин — более чем догматично и упрощенно — обозначил внешние и внутренние обстоятельства безверия писателя: внешние — его «западнические» увлечения (рационализм, позитивизм, нигилизм), внутренние — отсутствие мистицизма сознания, вне которого вера, с точки зрения докладчика, невозможна. В. Бачинин определил суть толстовской веры как «акт экзистенциального риска». Толстой был объявлен пленником Штрауса, Ренана и секулярных суждений Руссо и Шопенгауэра. Говоря

о влиянии на Толстого таких течений, как «философия жизни» и «модернизм» конца XIX века, докладчик не принял во внимание обратное: влияние Толстого на модернистов и социалистов того времени. Спорной для слушателей оказалась и сама попытка разоблачать одно мировоззрение исходя из «абсолютной» приоритетности другого.

На эти особенности обратил внимание молодой теолог из Швейцарии Христиан Мюнх (Бернский университет) в содержательном докладе «Влияние Толстого на теологическую религиозную социологию начала XX века». Он подчеркнул, что в Швейцарии идеи Толстого стали пристально изучать уже в 90-е годы XIX века, а в 1900 году была защищена первая диссертация по религиозному (протестантскому) мировоззрению Толстого. При этом было отмечено, что и протестанты видели в толстовской религиозной системе мощный вызов христианству и не спешили включать его в ряды своих пророков. Важной мыслью доклада стал тезис о синтезе религии и социализма в швейцарской теологии. Этот тезис особенно значим как яркое свидетельство дискурсивных инверсий сознания в XX веке, от религиозного к социалистическому и обратно. Докладчик обратился к философии Леонарда Рагаца, который ввел многие идеи Толстого в религиозный контекст протестантизма 1900-х годов. Толстой воспринимался им как новый Бог, которым следовало заменить революционных идолов того времени. «Толстой вместо Ленина» — таков парадоксальный лозунг Рагаца, сформулированный им вскоре после 1917 года. Х. Мюнх осуществляет свою многолетнюю работу в рамках национального проекта «Толстой как религиозный мыслитель», созданного совместными усилиями ряда университетов Швейцарии. Приходится сокрушаться об отсутствии интереса к гуманитарным проектам подобного рода на родине писателя.

Исследовательница из Австрии Кристина Беретта (Клагенфуртский университет) в докладе «Толстой и Шопенгауэр. Произведения Л. Н. Толстого 1880-х годов и философия Артура Шопенгауэра» рассмотрела философский и творческий «диалог» Шопенгауэра и Толстого в сфере метафизики и физики любви. Оригинальность К. Беретты в том, что она отказалась от традиционного подхода к теме с точки зрения «влияний», а акцентировала внимание на диалогической природе «собеседования» Шопенгауэра и Толстого. В докладе оппозицию «личности» составили такие понятия, как «животность», «конечность», «плоть», «человекозверь». Тщательному анализу была подвергнута типология любви Толстого и Шопенгауэра, которая в конечном итоге также может быть сведена к оппозиции любви как божественного начала и плотской, животной любви-страсти. Зло половой любви Шопенгауэр, как известно, возвел в ранг метафизики, Толстой распро-

странил на многообразие индивидуального поведения. В докладе была подчеркнута и принципиальная разница двух мыслителей: у Толстого всегда рядом с человеком Бог и, следовательно, надежда на антроподицею, у Шопенгауэра его нет.

В этом аспекте размышления К. Беретты о различных подходах к любви и личности как воплощению и преодолению эгоизма выход к проблемам антропологии нашли продолжение в докладе С. Климовой (Белгородский университет) «Толстой—Страхов—Достоевский: к проблеме целостности и ценности личности и эпохи», посвященном проблемам аксиологии переходной эпохи. Реконструируемый в докладе историко-культурно-экзистенциальный диалог Н. Н. Стрехова с двумя великими современниками — Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским — рассматривался в качестве метатекста описания специфики эпохи, к которой все трое были причастны. Речь идет о *переходном периоде* от классического рационализма к эпохе глобального «кризиса логоцентризма». В описании этого перехода каждый из трех участников «эсхатологического» разговора по-своему стал катализатором глобальных культурно-исторических и идейно-формационных (в фукианском смысле) процессов. Важнейшей точкой диалогического пересечения идей трех мыслителей, ставшей и основанием постижения мировоззренческого «разлома» культуры, явилось христианство и фигура Христа, в котором все трое увидели идеал (идею) человека. Для Стрехова этот идеал объективен, находится вне страстей, пороков и оценок, является абсолютной ценностью, призванной укрепить мир как целое, задать векторность человеческой жизни, и проявляется в духовном совершенствовании человека. Для Достоевского этот идеал находится в душе (как вместилище противоположностей) человека и поэтому его всепрощенческий отблеск мы обязаны обнаружить и в проститутке, и в каторжнике, и в убийце, и в пророке. Толстой же узрел «Бога живого» в жизни, действиях и поступках, совершаемых человеком. Позиции всех трех дают нам представление о человеке в его духовно-душевно-деятельностной целостности. В докладе была последовательно раскрыта центрирующая роль Н. Н. Стрехова в диалоге с Толстым и Достоевским, показана его важнейшая организующая данное диалогическое пространство роль.

Первое заседание завершил доклад Дэна Моулина (Англия), посвященный основным принципам религиозного воспитания молодого поколения в Англии, главным из которых является принцип неконфессионального подхода к дидактическому материалу, диалогический подход в обучении, использование идей толстовской школы в современной английской системе образования. Он описал английский опыт «толстовской школы», основанной на следующих принципах: 1) учитель

не навязывает религиозные или антирелигиозные идеи; 2) религия не противоречит демократической идее плюрализма ценностей.

Второе заседание было посвящено анализу европейского влияния на творчество и мировоззрение Толстого. Так, к идеям Ж.-Ж. Руссо обратилась Сильвия Какубари (Япония) в докладе «Отражение идеи *naturel* в творчестве Л. Н. Толстого». Галина Алексеева (Ясная Поляна) в докладе «Идеи Генри Джорджа в творчестве и жизни Л. Толстого» представила с исчерпывающей полнотой картину увлеченного чтения, изучения и претворения писателем в публицистике и художественных текстах социальной этики Генри Джорджа. Докладчица обратила внимание на то, что книга Г. Джорджа «*Social problems*» была настольной у Толстого. Подобно Г. Джорджу Толстой рассматривает контрасты роскоши и нищеты в трактате «Так что же нам делать?». Большое внимание было уделено и книге Г. Джорджа «Прогресс и бедность», оказавшей решающее воздействие на социальную проповедь Толстого и ставшей, по сути, провокацией для развития всех его идей в области реформ земельной собственности. Открытым последователем Г. Джорджа предстает, как известно, Дмитрий Нехлюдов в «Воскресении».

Созвучными в тематическом плане стали выступления Роже Кюдса (Париж) и Татьяны Загородниковой (Москва, ИМЛИ). В первом докладе «Образ Толстого у Мельхиора де Вогюз и Ромена Роллана», прочитанном на французском языке, речь шла о знаменитой работе Вогюз «Русский роман» (1886), ставшей литературным манифестом, противопоставившим реализм великих русских романистов натурализму Золя и открывшим путь романам Поля Бурже и Анри Бордо. Ромен Роллан, в свою очередь, для которого Толстой был самобытным мистическим писателем, оказал влияние на современный французский роман (Мальро, Сартр, Камю). Т. Загородникова в докладе «Индийские корреспонденты Л. Н. Толстого» представила уникальные архивные документы — свидетельства переписки Толстого с индийскими корреспондентами, которые видели в нем продолжателя идей реформационного индуизма и обращались к писателю с просьбой о поддержке антиколониальной борьбы индусов. Особый интерес вызвали письма молодого Махатмы Ганди к мудрому «старцу» Толстому. Толстой, как известно, за два месяца до смерти написал ответ Ганди — духовное завещание своему последователю.

В унисон прозвучало и выступление живущего в Италии сотрудника ИВИ РАН Михаила Талалая «Итальянские посетители Ясной Поляны: Уго Арлотта, Паоло Трубецкой, Пьетро Кюфферле». В сообщении были представлены новые материалы об итальянских контактах Толстого. Так, веронский скульптор П. Кюфферле, работавший на рубеже XIX—XX веков в Петербурге, был автором

портрета писателя, хранящегося в музее г. Пьяченца. После революции он репатрировался в Италию вместе с сыном Ринальдо, написавшим книгу о педагогическом опыте Толстого, а также очерк об итало-русском скульпторе Паоло Трубецком, одним из лучших портретистов писателя, часто с ним встречавшимся. Неаполитанец Уго Арлотта, гостивший в Ясной Поляне в 1907 году, был автором обширного интервью с писателем, прежде не известного исследователям Толстого.

Второе заседание завершил содержательный доклад петербургской исследовательницы Ирины Мельниковой, давно работающей в Японии, «Толстовское учение и новые религии Японии: основатель колонии „Иттоэн“ Нисида Тэнко и его неизвестное письмо Л. Н. Толстому». Община толстовцев «Иттоэн» до сегодняшнего дня продолжает жить, следуя основным принципам учения Толстого. Докладчица рассказала об истории общины, о «нравственном перевороте», пережитом ее основателем после знакомства с произведениями Толстого, и о его письме учителю. Фантастичными (и несколько комичными) предстали в докладе современные особенности жизни общины, и в частности практикуемый в ней опыт «послушания за грехи» (не только для ее членов, но и для стажеров ряда крупных японских фирм), который заключается в исполнении трудовой повинности мытья общественных туалетов.

На третьем заседании особый интерес вызвал доклад О. В. Сливичкой (С.-Петербург) «„Война и мир“ как „пройденный этап“ и „утраченный секрет“». Обратившись к поиску «секретов» романа («утраченный нами секрет» — слова Ф. Мориака), она показала, что в романе на всех уровнях соблюден универсальный закон: все едино и все единично, все беспрерывно и все точно. Иными словами, там, где обыденное сознание видит *или/или*, Толстой настаивает на *и*. Происходит это путем индивидуализации Единого и универсализации единичного, при этом переход от части к целому совершается почти незаметно. Поскольку весь наблюдаемый мир дискретен, то и Толстой сохраняет дискретность деталей, сцен, характеров и т. д. Но поскольку мир един, то Толстой эту неизбежную дискретность приглушает, делает малоощутимой, осуществляя «сопряжение», резонанс общего и частного, целого и части. В послетолстовскую эпоху, отметила докладчица, в истории европейской литературы наблюдается стремление заменить характер процессом. Предметом литературы становится не столько мир индивидуальностей, сколько сама безличностная, бесконечно изменчивая, глубинная, психическая материя, «аморфная магма сознания», происходит отказ от крупных личностей. Доведенные до предела, обе эти тенденции вызвали потребность в гармонизации отношений между единичным и единым, между человеком в его

причастности к всеобщему и человеком в его индивидуальности. В поисках этой гармонии и заключается утраченный секрет «Войны и мира».

Доклад Стефании Сини (Италия) «Эйхенбаум и Толстой» был обращен к двум фигурам исторического диалога. Исследование Толстого в критической и теоретической деятельности В. М. Эйхенбаума рассматривалось с точки зрения теории литературы и истории литературной критики XX века. Толстоведение Эйхенбаума предстало в творческой эволюции его основных работ, начиная со статьи «Лабиринт сцеплений» (1919) и книги «Молодой Толстой» (1921). В первой части «диалоги» «Лев Толстой: 50-е», по мысли докладчицы, Эйхенбаум достигает теоретической зрелости и универсальной методологии, удивительно актуальной по сей день. Лейтмотивом и осью его верности Толстому стал тезис: «Свобода индивидуальности — в умении осуществить исторические законы». Несмотря на всем известные перемены исторического «курса» и «законов» в России, теоретический путь Эйхенбаума в принципе всегда демонстрировал его верность себе и преемственность его толстоведческих работ. Особое внимание в докладе было уделено проблеме автора и автобиографических контекстов в романах Толстого.

В академических традициях были поддержаны доклады, посвященные разным аспектам жизнетворчества Толстого. Тамара Бурлакова (ГМТ, Москва) в докладе «Кавказ. Сентиментальное путешествие Льва Толстого» представила анализ стерианских аллюзий в кавказских повестях и дневниках Толстого. Анна Гродецкая (ИРЛИ, С.-Петербург) в докладе «Толстой и Гончаров: несостоявшийся диалог» подвергла разбору историю взаимоотношений Толстого и Гончарова, прокомментировав причины потеплений и охлаждений в этих отношениях. Критические, привычно «остраненные» оценки поздним Толстым гончаровского «эстетизма» стали основным предметом ее внимания.

Специфике эго-документа, в данном случае — ранних дневников Толстого, и особенностям нарратива и нарратора в этих дневниках посвятила свой яркий доклад «Крымская война в изображении Толстого-диариста» Иоанна Пиотровска (Польша). В докладе «Толстой и энциклопедисты о роли случая в истории» Алла Полосина (Ясная Поляна) рассмотрела «случайное» в коллизиях толстовских романов в контексте его собственной «философии случая», соотнесенной со взглядами французских просветителей.

Неподдельный интерес вызвал доклад прибалтийского коллеги Эугениуса Жмуйды (Литва) «„Война и мир“ как „волшебная сказка“ о мифо-архетипических основаниях романа. Докладчик рассмотрел ряд сказочных мотивов (сказочный «дурак», сказочное вознаграждение и проч.). Главная бинарная оппозиция, выраженная в символическом

названии «Война и мир», организует, подобно сказочной оппозиции *добро/зло*, главный идеологический конфликт романа, столкновение двух противоположных отношений к человеку, к жизни, к Бытию.

Особым звуковым резонансом отличался любопытный доклад Елены Толстой (Израиль) «Звуковые построения у Толстого», в котором был дан фонологический анализ фрагментов разных толстовских текстов, построенных на ассонансных и аллитерационных повторах, которые всегда заданы и подчинены определенной авторской логике.

Четвертое заседание отличал его мощный адаптационный аспект. Многие доклады затронули проблемы понимания наследия Толстого в разных культурах. Пожалуй, самым любопытным в этом смысле стал доклад Радхи Баласубраманиан (США): «Анна Каренина, Анна Карина или госпожа Картянина? Перевод и адаптация романа Толстого на тамильский язык». Совершенно неожиданной предстала история «тамильских любовных коллизий» в первом переложении «Анны Карениной» — «Госпоже Картянини» (1936), романе, повествующем о жене министра, покидающей мужа ради любви к мелкому государственному чиновнику. Сохранив железнодорожный мотив, автор тамильской версии вместо сцены бала, например, изображает концерт известной индийской танцовщицы, на котором впервые Картянини и Шива (Анна и Вронский) чувствуют непреодолимое любовное влечение. Сцена лошадиных скачек заменяется игрой в крикет, где Шива получает ранение, а Картянини выдает свои чувства публике и т. д. Роман стал большой удачей переводчика и был многократно переиздан. Из-за сложности склонения в тамильском языке фамилии Каренина для романа утвердилось название «Анна Карина». Популярность имени героини чрезвычайно высока в Индии. Так, имя Карина Капур носит внучка известного киноактера Раджа Капура.

Не менее удивительные факты прозвучали и в докладе Сергея Жука (США) «Русские евреи — последователи Льва Толстого, украинские крестьяне-евангелики и основание еврейского театра в Нью-Йорке, 1880—1898». Фанатичным последователем Толстого, как выяснилось, был Яков Гордин, стремившийся соединить этику иудаизма и религиозную этику Толстого и основавший в 1877 году на Украине под влиянием толстовских идей «духовное братство», общество любителей Библии. В 1888 году оно было зарегистрировано как сельскохозяйственная община. С толстовцами других направлений Гордина объединяли общие принципы ненасилия в воспитании и трудовой активности. Вынужденный эмигрировать, он же позднее основал в Нью-Йорке еврейский театр, где шли толстовские драмы, и переводил на идиш его романы (псевдоним Иван Колочий).

Два доклада были посвящены пьесе Толстого «Живой труп» — о его эпитетной системе говорил Александр Волковинский (Украина), о музыкальных фрагментах — Инга Матвеева (С.-Петербург). Завершилось заседание прекрасным выступлением Нины Никитиной (Ясная Поляна), посвященным двум *genius loci* — Толстому и Тургеневу и соответственно геофилософии Ясной Поляны и Спасского-Лутовинова. Главный тезис доклада о соавторстве гения места и гения жизни ввел слушателей в парадигму понятия жизнетворчества, связав этим сложным сочленением жизни и творений имени и локусы жизни Тургенева и Толстого.

В последний день работы форума прошли пятое и шестое заседания, отличавшиеся разнообразной «животной» интонационностью тем. Докладу преподавателя МГУ Ильи Ничипорова «Мир глазами животного: „Холстомер“ Л. Н. Толстого и „Сны Чанга“ И. А. Бунина», посвященному традиционной для литературоведения теме, противостоил любопытный и спорный доклад Рональда Леблана (США) «Любовь в „Холстомере“», своеобразно представивший «лошадиные» и «волчьи» вариации толстовской темы любви (плотская, материнская).

Компаративистские аспекты темы телесности раскрыл содержательный доклад Ирины Лукьянец (С.-Петербургский университет) «„Тело-предатель“ в творчестве Л. Н. Толстого, Ж.-Ж. Руссо и Ги де Мопассана». Продемонстрировав эволюцию темы «тела-предателя» в творчестве Толстого и отметив, что сам мотив является одним из старейших в литературе христианской эпохи, докладчица пришла к выводу, что его сложное функционирование у Толстого позволяет рассматривать его в парадоксально диалогическом плане. В рецепции Толстого происходит сложное и полемическое переплетение близкой ему нравственной и художественной позиции Руссо, который допускал гармоническое решение проблемы, и раздражающе близкой, но отвергаемой трагической версии Мопассана.

Несомненный интерес вызвал доклад датского юриста, энтузиаста и поклонника Толстого Джеспера Моллер-Андерсена «Тол-

стой и датская литература», в котором, в частности, были намечены параллели между толстовским «Воскресением» и романом Мартина Андерсена Нексе «Ditte Daughter of Mankind» (1920), объединенных темой судьбы покинутой женщины. Обсуждался и известный перевод Толстым сказки Г. Х. Андерсена «Новое платье короля». Легенда Толстого о «муравейных братьях» и «зеленой палочке», с точки зрения докладчика, — это мудрая притча и поиск единственной истины, близкая мировоззрению экзистенциалиста Кьеркегора.

Дважды докладчики обращались к «Смерти Ивана Ильича». Ани Костаниан (Франция) в докладе «Повествователь в „Смерти Ивана Ильича“» продемонстрировала своеобразие форм субъективации нарратива у Толстого, структурно и функционально отличных от традиционных. Дискуссия дня была сосредоточена вокруг доклада профессора РГГУ Алексея Круглова (Москва): «„Логика“ Кизеветтера в „Смерти Ивана Ильича“». Размышления докладчика строились вокруг главного примера из «Логики» Кизеветтера: «Все люди смертны», ставшего объектом мучительного осознания умирающего героя. Любопытство вызвала оппозиция Кай—Иван Ильич, рассмотренная с точки зрения формальной логики и экзистенциальной мысли Ивана Ильича — Толстого. Иван Ильич признает общую посылку в силлогизме (все люди смертны), но не признает вывод о том, что и он в таком случае умрет. Для Толстого очевидна нищета логической аргументации там, где речь идет о конкретном человеке и основных экзистенциалах жизни, таких как болезнь, страдание, умирание, страдание, смерть.

В кратком обзоре трудно перечислить все выступления и рассмотренные проблемы, передать дискуссионный дух выступавших, их неподдельный интерес к России и русской литературе. Ясная Поляна по-прежнему центрирует мир вокруг себя, остается местом паломничества, освященным именем и мыслью «живой и лучшей» личности Льва Николаевича Толстого.

© С. М. Климова, А. Г. Гродецкая

ВОСЬМЫЕ КОНСТАНТИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА)

15—16 октября 2008 года состоялись очередные Константиновские чтения, посвященные великому князю Константину Николаевичу и его семье. Восьмые чтения приурочены к 150-летию со дня рождения его

сына — великого князя Константина Константиновича (1858—1915), поэта, переводчика, драматурга, президента императорской Академии наук, генерал-инспектора военных учреждений. Юбилейная научная конференция